

Алексей Гладков

Одеса

– Вот ты говоришь: Одесса, Одесса... А что твоя Одесса сегодня? Булыжная мостовая на Пушкинской, оперный театр, полуразрушенная Молдаванка и руины дома Русова. Вот все, что осталось от твоей Одессы! Надпись на карте – и ту сейчас изуродовали, вычеркнув одну букву «с».

Мой собеседник, глядя в чашку, нервно размешивает сахар.

– Вот скажи: почему Одесса 200 лет была с двумя «с», а теперь вдруг должна стать с одной? Кому эта сдвоенная «с» мешает? И кому это нужно, чтобы она теперь на всех языках писалась с одной? Ну, допустим, мы сегодня очутились в Украине. Допустим, что по правилам языка сдвоенная «с» не допускается. Но ведь в любых правилах есть исключения! Никогда за все время своего существования «Одесса» не была «Одеса». Так почему сегодня должна стать?

Отпивает чай, ставит чашку на стол, обнимая ее ладонями.

– Кончилась твоя Одесса, Леша! Кончилась! Уехала! В Германию, Израиль, Штаты. Разлетелась по миру. Как семена одуванчика. Дунул ветер перемен, она и разлетелась. Ты помнишь, песня такая была у «Scorpions»? Вот тот самый ветер подул – и все! Сдуло Одессу.

Греет руки о чашку. Молчит.

– Ну, хорошо, допустим, вы правы. Все уехали, увозя с собой «ту» Одессу. Но ведь на их место, в их квартиры поселились новые люди. Они что?

– Да ничего они. Люди как люди, – отвечает тихо, почти с горечью в голосе. – В большинстве своем плохо образованные и дурно воспитанные. Хотя... Сегодня это тоже сплошь и рядом.

Но дело не в этом! Ты говоришь: Одесса! Одесса – это не архитектура, не морвокзал и даже не Привоз. Одесса – это особые отношения между людьми, дворовые традиции и своеобразное воспитание. А где сегодня остались эти традиции? Где дворы, в которых соседи вместе выносят и накрывают столы, чтобы посидеть всем двором? Ведь сидели же раньше! И допоздна сидели. Куда это делось? Неужели вновь прибывшим это...

Задыхается, откашливается, крупными глотками отпивает горячий чай. Сделав паузу, продолжает:

– Я недавно зашел в свой старый двор на Базарной. Ты его помнишь! В нем всего 13 квартир. Встретился с соседкой из 4-й. Пока говорили, мимо нас, не здороваясь, прошли какие-то люди. Спрашиваю: «Это новые соседи?». Она отвечает, что, вроде, да. Но как их зовут – не знает. Леша, да когда такое было, чтобы мы не знали, как зовут в нашем дворе соседей? Мы знали не только наш двор, но и все соседние в квартале. По именам, фамилиям и прозвищам. Знали, кто где работает, кто с кем спит и даже кто чем болеет! А сегодня мы не знаем, кто живет в соседней квартире. И речь ведь не идет о новостроях. Там еще ладно: как оливки в банке живут – всех не запомнишь. Но хотя бы в моем дворе на 13 квартир можно знать всех? Это же всего 13 семей. Не тысяча триста! Не сто тридцать. А всего 13! Знаешь, что мне соседка еще сказала? Что из старых соседей всего 5 квартир осталось. А из новых она знает только двоих. И это в моем дворе, где все как на ладони! Вот тебе и новые люди! А ты говоришь, в их квартиры... Да какая разница, в чьи они квартиры заселились, если они из этих квартир не выходят!

Говорит раздраженно, зло, повышая голос. Почти кричит. Нервничает.

– Кстати! За квартиры! Мы ведь до сих пор в старом дворе называем квартиры не по номерам, а по соседям, которые там жили. На четвертом этаже «квартира Стукачей», на втором – Фельдманов, а на первом – Райцыных. И неважно, что у этих квартир уже дважды сменились владельцы. Неважно, что из квартиры Райцыных сделали магазин. Она по-прежнему «квартира Райцыных». А все почему? Да потому, что там жили люди! Нормальные, адекватные люди! А о новых соседях мы ничего не знаем! Не знаем потому, что новые соседи боятся или не хотят выйти во двор

Одесса.—Odessa. № 59.
Видь на море у м. Фонтана.

и поздороваться! Как пещерные люди! По норам попрятались и в каждом прохожем видят угрозу.

Замолчал. По лицу видно, что все это ему неприятно. Волнуется. Переживает. Чтобы снизить напряжение, перевожу разговор в другое русло.

– Ладно, Бог с ними – с новыми соседями. Расскажите, как вы к своим съездили?

– А? К своим? Да нормально съездил. Мюнхен посмотрел. Красивый город. Внуки по-русски совсем не говорят. Только «спасибо», «дедушка» и «я тебя люблю». Зять меня в Дахау свозил. Приехали. Я из окна машины посмотрел на бараки, вспомнил отца, татуировку на его руке, сердце защемило. Так и не смог заставить себя выйти. Постояли минут 10 и вернулись в город. Кстати, по поводу одесситов! Сел я в автобус, а как платить за проезд – не знаю. Мне один из пассажиров показал на аппарат, выдающий билетки. Закинул я в него несколько монет, и он выдал талон. Смотрю, а компостера в автобусе нет. Думаю, доеду до конечной – водителя спрошу. Так и сделал. Подхожу, на ломанном немецком, как умею, спрашиваю: «Was soll ich machen?». И протягиваю ему билет. Он его берет, смотрит на меня и спрашивает: «Russisch oder

Englisch?». Я обрадовался, говорю, мол, руссишь, руссишь! Он мне по-русски с хохмой отвечает: «Можете попробовать его перепродать». Я рассмеялся. Но в его говоре уловил что-то наше, одесское. Разговорились. Оказалось – одессит. Уже 25 лет живет в Мюнхене, автобус водит. В Одессе жил на Слободке. Так что, Леша, разъехалась твоя Одесса. Кончилась. А здесь остались только булыжник на Пушкинской, оперный и Привоз. И всем этим остаткам дали новое название: «Одэса». С одной «с».

Мы еще минут 30 пили чай, беседуя о разных пустяках. Когда он ушел, в мою дверь постучал почтальон:

– Добрый день. Вам заказное. Распишитесь.

Приехала открытка, которую я приобрел на одном из аукционов две недели назад. На лицевой стороне «Вид на море у Малаго Фонтана» начала XX века. На обороте – письмо корявым неразборчивым почерком. Обычно на открытках слали поздравления с Пасхой, Днем ангела или Новым годом. Но это письмо отличалось. Я взял лупу, уселся поудобнее в кресле и стал его расшифровывать.

«Уже день живем в Одессе. Видели море, но в сырой день не особенно сильное впечатление произвело. Помещение нам отвели в гимназии хорошее. Пробудем еще день и тронемся

в Севастополь. Я влюбилась в Киев. А Одесса мне не понравилась. Только море ее и скрашивает, а то сырая, каменная и пыльная» (отправлено 10 июня 1917 года в Боровичи Костромской губернии, ее высокоблагородию Варваре Николаевне Самсоновой).

Закончив разбор письма, еще раз его перечитал. Больно кольнула фраза «Одесса мне не понравилась».

Надо же! Не понравилась! Значит, Бунину с Аверченко и Твену с Драйзером понравилась, а ей – нет. Цаца какая!

С негодованием отшвырнул открытку на стол. Задумался. Вспомнил разговор. Булыжник. Оперный. Привоз. А ведь и вправду: сырая, каменная и пыльная. Но только теперь с одной буквой «с».

